

В. БРЮСОВ

**[Рец. на кн.: Иванов Вяч. Кормчие звезды.
СПб., 1903]**

У нас, у русских, совсем не разработана техника стихотворчества. Может быть, это потому, что наша поэзия никогда не развивалась свободно. Разве только во времена Пушкина. Но тогда еще рубились просеки и закладывались фундаменты. В 60-е годы ставили вопрос о самом существовании поэзии. В наши дни подобно этому ополчались против «декадентства». Поэты в России всегда должны были держаться как горсть чужеземцев в неприятельской стране, настороже, под ружьем. Вот почему Россия почти не участвовала в общечеловеческом труде над созданием стихотворной формы. У нас были великие мастера стиха: стих Пушкина совершенство; стих Фета — сладость; но у нас нет искусства писать стихи как общего достояния. Многим у нас это и донныне кажется ненужным, даже унижительным. По нашим русским понятиям поэт не должен учиться технике своего дела, как учатся же музыканты, художники, скульпторы...

Конечно, под «искусством писать стихи» надо разуместь не одно умение владеть размером и рифмой. Эволюция поэзии состоит в создании новых приемов творчества, новых способов изобразительности, новых средств воплотить все более и более углубленную идею. В культурных странах новое завоевание в этой области тотчас становится принадлежностью всех. Не так у нас. Я не говорю об исключениях, о пяти-шести художниках, чьи имена у всех на устах, но о всей армии наших поэтов, которые не все же бездарны, обделены Богом. Они пишут совершенно наугад, работают вразброд, борются с давно побежденными трудностями, открывают давно открытое, топчутся на одном месте, когда перед поэзией

давно раскрылись перспективы и горизонты. Золото их дарования не видно в шлаке, руда не очищена, тускла, мертва.

Это стоит в связи с общей необразованностью наших поэтов (тоже общее русское свойство). У нас так повелось, что художникам не полагается быть образованными Иностранных современных поэтов у нас не читают и даже с именами их не знакомы. А многому следовало бы нашей поэзии поучиться хотя бы у Верхарна¹ или Стефана Георге!² Наши стихи по-прежнему, неизвестно зачем, поют про восходы и про закаты, про случайную грусть и про случайную радость. Правда, зато их и не принято читать. Но как не вспомнят все, что стихи есть совершеннейшее из орудий человеческого слова, которым можно и должно пользоваться для решений самых мучительных из современных вопросов.

Книга Вячеслава Иванова странно не похожа на обычные русские «сборники стихотворений»³. Словно автор жил где-то на одиноком острове, вне наших ежедневных литературных дразг, вне наших базарных криков: «декадент? — не декадент?» Вячеслав Иванов — настоящий художник, понимающий современные задачи стиха, работающий над ними. Его стих — живое, органическое целое, самостоятельная личность. Автор верно выбирает для него рифмы, придающие ему выражение лица. Он ищет новых размеров, которые точно соответствовали бы настроению стихов, дополняли бы содержание. Его особая сила в самостоятельном словаре. Он не довольствуется безличным лексиконом расхожего языка, где слова похожи на бумажные ассигнации, не имеющие самостоятельной ценности. Он понимает удельный вес слов, любит их, как иные любят самоцветные камни, умеет выбирать, гранить, заключать в соответствующие оправы, так что они начинают светиться неожиданными лучами... Вместе с тем Вячеслав Иванов истинно современный человек, причастный всем нашим исканиям, недоумениям, тревогам. Его стихи говорят о том, что нам важно, о чем нам интересно слышать.

Все это не значит, чтобы в «Кормчих звездах» не было недостатков, и очень существенных. Прежде всего автор более искусен — более понимает, что нужно, чем просто отдается творчеству. Бессознательного, стихийного таланта у него, быть может, меньше, чем у многих из наших поэтов. Поэтому его вдохновения часто тяжелы, его стихи как-то громоздки: в них чувствуется труд, нет легкости гения. Его новые размеры не всегда ему удаются и иной раз оказываются плохой, ломаной прозой. Он злоупотребляет

стечением согласных букв и сопоставлением односложных слов, думая достичь этим особого эффекта и создавая только неприятную какофонию. В погоне за новыми словами он без нужды заполняет свои стихи старославянскими и областными словами, формами и оборотами, часто непонятными без объяснения, делающими иногда речь безнадежно темной. Вместо величавости получается напыщенность. Однако и ошибки «Кормчих звезд» не лишены интереса. Это не бессмысленная неумелость, а неудачи ищущего, это — неверные пути исследователя. Книгу Вячеслава Иванова прочтет с настоящим любопытством и поэт, любящий свое дело, и каждый вдумчивый человек.

1903

